

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94/314.14

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-255-270>**Историко-демографические процессы в Адыгейской автономной области в 1930-1950-е годы**И.А. Шконда¹✉¹Адыгейский государственный университет

ул. Первомайская, д. 208, г. Майкоп 385000, Российская Федерация

✉e-mail: crpmriq@mail.ru

Резюме

Актуальность. Социально-демографические процессы предвоенной поры и периода Великой Отечественной войны играли ведущую роль в формировании мобилизационной и трудовой базы страны. Они остаются во многом определяющими для послевоенных, вплоть до настоящего времени, поколений российских граждан. Региональный аспект проблемы позволяет не только раскрыть влияние глобальных потрясений на региональные сообщества, но и исследовать, прогнозировать и предупреждать негативные явления в сфере социально-демографического развития.

Цель исследования – обобщить и верифицировать известные факты по демографическому развитию Адыгейской автономной области в предвоенный, военный и послевоенный периоды.

Задачи исследования состоят в систематизации имеющихся сведений о численности населения и развитии демографических структур Адыгейской автономной области в 1930-1950-е годы, а также определении степени влияния на них глобальных и региональных исторических тенденций, таких как социалистическая трансформация экономики 1930-х годов и Великая Отечественная война.

Методология. При подготовке работы применялись основополагающие принципы исторической науки (историзма и объективности), а также ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический, историко-генетический, статистический и пр.).

Результаты. В ходе исследования удалось установить, что Адыгейская автономная область в 1930-1940-е годы развивалась в контексте общих для населения СССР глобальных потрясений. Это привело к ряду негативных явлений в демографической сфере: спаду рождаемости, деформации демографических структур, сверхсмертности населения, созданию предпосылок демографического кризиса. Относительная стабилизация 1950-х годов способствовала восстановлению региона после Великой Отечественной войны и значительным темпам естественного и миграционного прироста населения. Однако в полной мере восстановиться демографически региону так и не удалось.

Вывод. Потрясения 1930–1940-х годов оказали крайне негативное влияние на народонаселение Адыгейской автономной области, что стало первопричиной будущего демографического кризиса. Требуется дальнейшее изучение и углубление знаний о влиянии глобально-исторических событий на демографическое развитие региональных сообществ на примере Адыгейской автономной области.

Ключевые слова: демография; перепись населения; Адыгея; коллективизация; раскулачивание; Великая Отечественная война; оккупация; демографический кризис.

Благодарности: Научному руководителю доктору исторических наук, профессору Адыгейского государственного университета, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации Малышевой Елене Михайловне.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шконда И.А. Историко-демографические процессы в Адыгейской автономной области в 1930-1950-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 255–270. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-255-270>.

Поступила в редакцию 30.06.2025

Принята к публикации 18.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Historical and demographic processes in the Adyghe autonomous region in the 1930-1950s

Igor A. Shkonda¹✉

¹Adyghe State University

Pervomayskaya Str. 208, Maykop 385000, Russian Federation

✉ e-mail: crpmriq@mail.ru

Abstract

Relevance. The socio-demographic processes of the pre-war period and the period of the Great Patriotic war played a leading role in the formation of the mobilization and labor base of the country. They remain largely decisive for the post-war, up to the present time, generations of Russian citizens. The regional aspect of the problem allows not only to reveal the impact of global shocks on regional communities, but also to study, predict and prevent negative phenomena in the field of socio-demographic development.

The purpose of the study is to summarize and verify known facts on the demographic development of the Adyghe Autonomous region in the pre-war, war and post-war periods.

The objectives of the study are to systematize the available information on the population size and development of demographic structures of the Adyghe Autonomous region in the 1930s–1950s, as well as to determine the degree of influence of global and regional historical trends on them, such as the socialist transformation of the economy in the 1930s and the Great Patriotic war.

Methodology. In preparing the work, the fundamental principles of historical science (historicism and objectivity) were used, as well as a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative historical, historical-genetic, statistical, etc.).

Results. The study established that the Adyghe Autonomous region in the 1930s and 1940s developed in the context of global upheavals common to the population of the USSR. This led to a number of negative phenomena in the demographic sphere: a decline in the birth rate, deformation of demographic structures, excess mortality of the population, and the creation of prerequisites for a demographic crisis. The relative stabilization of the 1950s contributed to the recovery of the region after the Great Patriotic war and significant rates of natural and migration population growth. However, the region never fully recovered demographically.

Conclusion. The upheavals of the 1930s and 1940s had an extremely negative impact on the population of the Adyghe Autonomous Region, which became the root cause of the future demographic crisis. Its further study and deepening of knowledge about the influence of global historical events on the demographic development of regional communities is required using the example of the Adyghe autonomous region.

Keywords: demography; population census; Adygea; collectivization; dispossession; repressions; Great Patriotic war; occupation; demographic crisis.

Acknowledgments: To the scientific supervisor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Adyghe State University, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Elena M. Malysheva.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shkonda I.A. Historical and demographic processes in the Adyghe autonomous region in the 1930-1950s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):255–270. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-255-270>.

Received 30.06.2025

Accepted 18.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Историческая демография является в настоящее время активно развивающимся направлением научного знания. Инте-

рес и актуальность этому направлению со стороны научного сообщества придаёт не только открытие новых исторических фактов, дополнение существующего ис-

торического нарратива данными по статистике народонаселения или состоянию демографических структур того или иного периода в том или ином регионе, но и сопоставление этих фактов с историческими процессами, исследование их взаимовлияния. Представляется важным практическое применение исследований в области исторической демографии вследствие нарастающей тенденции обострения демографических проблем, в первую очередь в Европе и Северной Америке, не исключая России.

Востребовано изучение истории демографических процессов с целью установления исторической практики их развития, выявления закономерностей и предупреждения ухудшения ситуации.

Особо актуальным направлением является изучение демографических процессов на макро- и микроуровнях, изучение влияния глобальных исторических событий на малые (региональные) сообщества. Одним из них с полным основанием может считаться Адыгея, которая в 1930–1940-е гг. вместе со всей страной пережила ряд серьёзных потрясений, которые оставили тяжёлый след на её демографических структурах. Изучение этого опыта, а также его кратковременных последствий в течение 1950-х гг. является одной из важнейших современных задач исторической демографии региона и всего Северо-Западного Кавказа.

Методология

Основными принципами настоящего исследования выступают базовые принципы исторической науки: историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть демографическое развитие Адыгейской автономной области (далее – ААО) в конкретно-исторических условиях, а принцип объективности – с различных исторических позиций учесть при конструировании объективной исторической картины прошлого зачастую противоположные мнения исследователей по тем или иным вопросам, разо-

браться в противоречивых процессах и тенденциях.

Методы исследования историко-демографических вопросов имеют некоторую вариативность при исследовании регионального материала. Это определяется целями и задачами исследования, а также состоянием источниковой базы по проблематике. В случае Адыгейской автономной области имеется явное ограничение числа архивных источников ввиду отсутствия в фондах Национального архива Республики Адыгея (далее – НАРА) статистической документации по движению народонаселения в 1933–1941 гг., наиболее судьбоносные для страны и региона. Источниковая база по исследуемому вопросу в фондах Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК) и Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ) в значительной степени уступает в полноте формам и документам, которые должны были храниться «на местах». Более того, значительная часть сохранившихся документов имеет низкое качество и не отражает наиболее значимые качественно-статистические характеристики народонаселения, что в итоге требует расширения набора научных инструментов и методов, применяемых в исследовании.

Недостаток источников по проблеме повышает значение сравнительного и генетического методов, которые позволяют расширить поле исследования, сопоставляя историю и динамику развития процессов за счёт сравнения региональных параметров демографических процессов и явлений с аналогичными процессами в других, исторически схожих с Адыгеей регионах.

В настоящем исследовании востребовано обращение к методам статистики для обработки массивов количественных данных. Это позволяет составить представление о демографических процессах и сопоставить их с уже имеющимися теоретическими представлениями в историо-

графии вопроса, дополнить картину исторического прошлого новыми данными.

Результаты и их обсуждения

Обращаясь к проблеме исторической демографии в Адыгее, в первую очередь необходимо рассмотреть исторический контекст, в котором развивалась Адыгейская автономная область в середине прошлого века. Черкесская (Адыгейская) автономная область, с 1928 г. Адыгейская автономная область, была создана в 1922 г. из цепочки районов Майкопского и Краснодарского отделов Кубано-Черноморской области в местах проживания адыгов вдоль левого берега реки Кубань. Новообразованный регион был сложен в управлении из-за социально-этнических противоречий и плохой инфраструктурной взаимосвязи различных его частей, вытянувшихся более чем на 170 км вдоль Кубани, при глубине территории всего в 25–30 км.

Основополагающим явлением в формировании предвоенной демографической картины стали социально-экономические потрясения 1930-х гг. Сельское хозяйство региона переживало нэповский подъём, которому способствовали экономическая активность населения и плодородные чернозёмные почвы. Но уже в начале 1930-х гг. это обернулось тяжёлыми последствиями во время коллективизации, раскулачивания и голода 1932–1933 гг. [1, с. 57–58] Так, только число репрессированных (казнённых и высланных на спецпоселение) кулаков и членов их семей оценивается не менее чем в 8,6 тыс. человек [2, с. 132], что примерно эквивалентно естественному приросту населения автономии за 2,5 года. Проблема последствий голода 1932–1933 гг. на территории Адыгеи специально пока ещё не исследовалась, а оценка числа его жертв в 1 тыс. погибших кажется весьма заниженной уже исходя из оценки жертв в целом по Краснодарскому краю в 800 тыс. человек [3, с. 134]. Ещё больший урон был нанесён

сокращением рождаемости, высокие показатели которой на тот момент обеспечивали и высокий естественный прирост населения. Его снижение в Адыгее составило только в 1927–1931 гг. 19,1%, с 3537 до 2862 человек [4, л. 1, 5]. Ухудшал ситуацию отток населения, которое бежало в более благополучные районы промышленных центров, Поволжья и Закавказья, а также становилось отходниками в город. Так как таковых на территории автономии не было (административный центр находился в Краснодаре, не входящим в состав ААО), то это создавало серьёзную социально-экономическую проблему для региона.

Потрясения 1930-х гг. привели к изменению структуры общества и деформации половозрастной пирамиды. Дополнительным кризисным фактором было вступление в репродуктивный возраст в этот период поколения женщин, рождённых в период демографического спада Первой мировой и Гражданской войн. При этом существенного ускорения развития региона так и не произошло. В середине 1930-х гг. Адыгея по-прежнему оставалась экономически нестабильным и аграрным регионом. Коллективизация не привела к существенному ускорению темпов развития сельского хозяйства, а сектор обрабатывающей и тяжёлой промышленности так и не возник. Пытаясь это преодолеть, во второй половине 1930-х гг. союзное правительство предприняло ряд мер, направленных на расширение автономной области, включив в её состав г. Майкоп с окрестностями и Гиагинский район.

Расширение практически удвоило население автономии со 126,5 тыс. человек в 1931 г. [5, с. 125] до 225,4 тыс. человек в 1937 г. [6, с. 45], однако присоединение новых территорий не могло структурно улучшить демографические показатели. Демографические проблемы в ААО были только частью общего демографического кризиса на юго-западе СССР, вызванного коллективизацией и

голодом, и присоединяемые к Адыгее территории также страдали от его последствий, что особенно было заметно в городе.

Со времён Гражданской войны промышленность левого берега Кубани прибывала в глубоком упадке. Крупные предприятия, построенные царским правительством в главном экономическом центре региона – Майкопе, были закрыты или не вырабатывали пиковых мощностей. Тяжёлая промышленность фактически была разрушена. Это привело к критическому ухудшению социально-экономической ситуации и падению рождаемости, которая составляла к 1930 г. порядка 14,2 случаев на 1000 населения [7, л. 164], когда в сельской местности этот показатель составлял 39,5 рождений на 1000 человек [4, л. 13; 8, л. 5]. Отчасти такая кризисная ситуация компенсировалась притоком сельского населения в город в период активной индустриализации 1930-х гг., но голод и репрессии практически сводили на нет этот прирост. За весь межпереписной период 1926–1939 гг., даже с учётом известных проблем репрезентативности результатов переписи 1939 г., население города выросло всего на 3346 человек [6, с. 45; 9, с. 23].

Число жертв репрессий в Адыгее также только предстоит установить – на данный момент в открытых источниках упоминаются имена почти 2,8 тыс. человек¹. К сожалению, этот список нельзя считать полным, как и необходимо отметить, что он в некоторой степени неразделим со списком жертв раскулачивания. Однако эта цифра уже является примерно соответствующей годовому приросту населения Адыгейской автономной области в рассматриваемый период.

Негативные демографические изменения прямо сказались на показателях рождаемости и численности населения,

что не могло не быть замечено союзным правительством, которое ощутило как часть экономических последствий, так и не дождалось «расширенного воспроизводства населения при социализме». В 1935–1936 гг. были приняты меры, направленные на повышение защищённости института семьи и увеличение социальных обязательств государства. В сочетании с компенсаторным ростом рождаемости эти меры привели к её резкому увеличению в середине 1930-х гг., но уже с 1937 г. вновь началось устойчивое снижение показателей. В Майкопе в 1941 г. рождаемость составила всего 59,7% от уровня 1937 г. [7, л. 164]

Рождаемость в городах обычно значительно ниже, чем в сельской местности. Это связано с ростом [репродуктивной] культуры, меньшей жилищной обеспеченностью, расширением занятости женщин в общественном производстве. Поэтому процесс увеличения удельного веса городского населения сам по себе является фактором, понижающим уровень рождаемости [10, с. 42]. Но спад рождаемости в 1930-е гг. был только частично обусловлен общими тенденциями демографического перехода. В большей степени на него влияла социально-экономическая нестабильность. Несмотря на повышение внимания государства к демографической сфере, социальная политика оставалась малоприоритетной и финансировалась по остаточному принципу [11, с. 577–578]. При этом, даже осознавая наличие негативных демографических тенденций, государство не могло существенно повлиять на рождаемость, т. к. было жёстко ограничено собственными идеологическими установками и не могло признать себя неправым в экономических экспериментах. Процессы демографического перехода, которые в развитых странах занимали десятилетия, в СССР произошли скачкообразно, что только усилило их негативные последствия.

¹ Список репрессированных. Республика Адыгея // Бессмертный барак: сайт. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/spisok_repressiy_adygeya/ (дата обращения: 10.06.2025).

Коллективизация на селе привела к социально-экономической нестабильности и снижению эффективности труда. К концу 1930-х гг. начался некоторый рост сельского хозяйства, но в большей степени он был обусловлен невозможностью кризиса продолжаться вечно. В то же время вопрос о «потерянной выгоде» для села вследствие реформ начала 1930-х гг. остаётся открытым.

Желание форсировать темпы индустриализации было для государства естественным в условиях наметившегося кризиса международных отношений и милитаризации Германии. Советский Союз по-прежнему остро страдал от последствий Гражданской войны, которая почти полностью разрушила промышленность. В 1920-х гг. объёмы промышленного производства постепенно восстанавливались, но смогли в большинстве только выйти на уровень 1916 г. или незначительно его превзойти. Почти 15 лет развития экономики оказалось потеряно. Но сталинская индустриализация, форсировав процесс увеличения доли городского населения, шла без учёта его социальных потребностей и нужд, что к априорным негативным издержкам урбанизации добавило снижение жизненного уровня и продолжительности жизни, снижение рождаемости и рост смертности [12, с. 86].

Исследование демографических тенденций 1930-х гг. осложняется известной недостоверностью или неполнотой сохранившихся источников, что влияет не только на репрезентативность итогов социалистической трансформации в демографической сфере, но и осложняет исследование демографических вопросов, связанных с Великой Отечественной войной, лишая исследователей надёжной «стартовой» базы.

За отправную точку демографических исследований периода войны, как союзного, так и регионального масштаба, обычно берётся 1939 г., когда прошла последняя «предвоенная» перепись населения. Но, как известно, эта перепись про-

ходила в очень сложных для статистических органов и науки условиях на фоне объявленной провальной переписи 1937 г., которая показала нежелательные для руководства СССР результаты последствий голода, раскулачивания, репрессий и провала антирелигиозной политики. Особенно эти последствия по объективно-историческим причинам были ощутимы на юге страны.

В значительной степени результаты переписи страдали от приписок и фальсификаций. Так, согласно сведениям известного учёного В.Б. Жиромской, население Адыгеи, вопреки заявленной итогами переписи цифре в 241 799 человек, составляло только 237 711 человек [13, с. 525]. Однако стоит указать, что даже эта цифра не является окончательной и требует дальнейшего изучения, т. к. цифры были получены при работе с архивами федерального уровня, в то время как документы, отправляемые в союзный центр властями автономии, как правило, уже были «приукрашены». В силу перечисленных причин перепись 1939 г. принимается не только отправной точкой исследований войны, но сама по себе требует дополнительного анализа и проверки.

Определение и принятие верхней границы демографических исследований по периоду Великой Отечественной войны вызывает ещё большую сложность. Первая «послевоенная» перепись была проведена только в 1959 г., через четырнадцать лет после окончания войны, что было мотивировано нежеланием привлечь внимание к неоправданно большим потерям, из-за чего плановая перепись 1949 г. была отменена¹.

Проблема как недостаточно репрезентативных и неточных результатов переписи 1939 г., так и «отдалённости» переписи 1959 г. создаёт определённые методологические проблемы в изучении

¹ История переписей населения в России: сборник информационных материалов / ред. кол. Н.С. Колотова, М.М. Чернышова [и др.]. Челябинск: Росстат, 2009. С. 47.

«демографии войны». Это положение вызывает необходимость обратиться также и к анализу таких источников, как документы делопроизводства статистики, здравоохранения и партии, которые, однако, обладают заведомо меньшим объёмом информации, нежели итоги переписи населения. Другим аспектом, повлиявшим на явную недостаточность исследования демографических процессов в Адыгее в 1941–1945 гг., является то, что Адыгейская автономная область находилась в этот период в составе Краснодарского края, что смещает акцент упомянутых источников делопроизводства в пользу обобщения данных по краю.

Фонды региональных архивохранилищ содержат значительный объём материалов и документов различных ведомств, сведений, делопроизводственной документации и т. п. В первую очередь речь идёт о фондах Национального архива Республики Адыгея, в которых хранятся уникальные и ещё практически не введенные в научный оборот документы делопроизводства и статистики времён войны и послевоенного периода. В них особо выделяются отчётные документы органов статистики и ЗАГС, материалы исследования состояния народного хозяйства и выполнения пятилетних планов, партийная документация. Вторым по значимости для исследования рассматриваемого вопроса выступает Государственный архив Краснодарского края. В ГАКК хранятся копии уникальных документов по расследованию злодеяний фашистских оккупантов на территории Краснодарского края, в том числе и его национальных автономий. Помимо этого важно отметить фонды, хранящие документацию о взаимодействии властей автономной области с краем. Изучение этих источников в рамках региональной специфики практически не проводилось. Фонды Российского государственного архива экономики наиболее важны из хранилищ федерального уровня, т. к. содержат самое полное обобщение оригина-

налов и копий делопроизводственной документации, которая в силу различных причин могла оказываться в различных региональных архивах или не сохраниться вовсе. Фонды НАРА и РГАЭ составляют основу источниковой базы по проблеме демографического развития Адыгеи в середине XX в.

В это же время при обилии источников по проблематике нельзя говорить об избытке историографического осмысления проблемы. Специальные исследования демографии региона в годы войны в своих статьях посвятили только Л.А. Яновская [14], А.А. Куваева [15] и Е.Ф. Кринко [16], что является явно недостаточным для полноценного освещения проблемы. Значительно чаще проблемы «военной демографии» в Адыгее становились составной частью более масштабных исследований. В первую очередь это касается аналогичных по задачам исследований по истории Краснодарского края и Северного Кавказа в целом, благодаря которым имеется некоторая картина встроенности региона в общие тенденции демографических процессов военных лет. Также демографические проблемы зачастую попадали в спектр интересов учёных-историков, занимающихся социальными проблемами истории Великой Отечественной войны. Особое внимание в этом контексте привлекают работы Е.М. Малышевой [10; 12] и В.Н. Ракачёва [17].

Адыгейская автономная область прошла в 1941–1945 гг. через серьёзные испытания, оказавшие неизгладимое влияние на её население. Сразу по получении известия о начале войны в Адыгее начались мобилизационные мероприятия и запись добровольцев. В первые дни войны на фронт ушло из Адыгейской автономной области более 20 тыс. человек [18, с. 9], а к октябрю 1941 г. на фронтах Великой Отечественной войны сражалось уже более 41 тыс. жителей автономии [19, л. 265]. Всего же за годы войны на фронт ушло более 80 тыс. уроженцев Адыгеи или каждый третий её житель [13,

с. 539]. Многие из них стяжали себе неувядаемую славу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Адыгея гордится 28 Героями Советского Союза и 14 полными кавалерами ордена Славы – уроженцами и жителями региона¹, первым из которых стал поэт и национальный герой черкесского народа Хусен Андрухаев (1920–1941), подорвавший себя в неравном бою с врагом у господствующей высоты села Дьяково Луганской области.

Экстремальные условия военных лет вызвали характерные общие тенденции демографических изменений практически для населения всех регионов страны, как тыловых, так и прифронтовых, территорий военных действий и глубокого тыла. Это военная мобилизация, эвакуация, период оккупации, сокращение рождаемости и увеличение смертности, рост показателей инвалидности, сиротства и вдовства, снижение жизненного уровня и медицинского обслуживания. Адыгея не стала исключением: население области в условиях войны испытало свойственные всему обществу трудности и достойно справилось с ними. Однако демографические процессы в регионе имели свою специфику, требующую специального изучения: сложился исторический опыт, который необходимо исследовать, т. к. остаются незаполненные ниши для исторического научного анализа на макро- и микроуровнях.

Изначально Адыгея и Кубань были глубоким тылом, и вторжение немецких захватчиков на эти территории советским командованием не рассматривалось. При этом Кубань оставалась большим, густонаселённым регионом, который вносил огромный вклад в экономическое развитие страны, в особенности в снабжение её хлебом. Именно в 1930-е гг. появилось

выражение «Кубань – всесоюзная житница». В Кубань эвакуировали предприятия и население западных областей, многочисленные беженцы прибывали на юг из осаждённого Ленинграда. Поэтому ко времени стремительного прорыва вермахта к Кавказу Адыгея была типичным тыловым регионом, который отдал значительную часть мужского населения фронта, но получил некоторые эвакуированные экономические мощности и население.

Внезапный кризис южного фланга боевых действий в июле 1942 г. и смещение фронта на Кавказ сделал невозможной организованную эвакуацию. Так, по утверждению Е.Ф. Кринко, не были эвакуированы даже многие партработники и члены их семей. Из 900 членов Майкопской городской организации ВКП(б) в городе осталось более четверти – 228 человек [16, с. 56]. В данном случае речь уже не идёт о предприятиях и беженцах. Меры по подготовке Майкопа к оккупации начали приниматься только 7 августа 1942 г., всего за два дня до появления немцев. Как следствие, только в последний момент удалось уничтожить хотя бы партактив, но планы подпольной сети в городе со всеми именами, местами явок, паролями достались врагу [20, с. 134]. Занятие города и области произошло стремительно и неожиданно для её руководства и жителей [18, с. 14].

Оккупация продолжалась менее полугода, с начала августа 1942 г. до середины февраля 1943 г., но её последствия оказались устрашающими. Государственная комиссия по расследованию злодеяний оккупантов в Краснодарском крае выявила, что было убито около 4 тыс. мирных жителей [16, с. 56], из которых более половины – в Майкопе. Многие люди сами смогли бежать с захваченной врагом территории или попытаться укрыться в сельской местности. В итоге численность населения Адыгеи за время оккупации сократилась почти на 11%, с 226 422 до 201 829 человек (табл. 1).

¹ Адыгея в годы Великой Отечественной войны // Национальный музей Республики Адыгея: сайт. URL: [\(дата обращения: 10.06.2025\)](https://adyg-museum.ru/ru/exposition/adygeya-v-gody-velikoy-otechetsvennoy-voyny1/#:~:text= (дата обращения: 10.06.2025))

Таблица 1. Численность населения Адыгеи и её районов до и после оккупации, чел. [21, л. 1, 3]**Table 1.** Population of Adygea and its districts before and after the occupation, people [21, l. 1, 3]

Районы	01.01.1942	21.08.1943	Соотношение 1943 г. к 1942 г. %
г. Майкоп	61 917	42 643	68,87%
Районы (сельское население) – всего	164 505	159 190	96,77%
В том числе:			
Майкопский	20 878	21 682	103,85%
Гиагинский	27 193	26 593	97,79%
Кошехабльский	26 261	25 648	97,66%
Шовгеновский	20 774	17 046	82,05%
Красногвардейский	25 433	28 800	113,24%
Тахтамукайский	21 502	19 512	90,74%
Теучежский	22 464	19 909	88,63%
Всего ААО	226 422	201 829	89,14%

В то же время, если население Майкопа сократилось почти на треть, ситуация в сельской местности была несколько лучше. В условиях села выжить было значительно проще, чем в городе, особенно в условиях краха на фоне оккупации связей «город – село». Так если в большинстве районов Адыгеи спад населения был на практике незначителен, то в Красногвардейском районе, который славился до войны аграрными успехами, население с января 1942 г. по август 1943 г. выросло с 25,5 до 28,8 тыс. человек.

Большинство жителей Майкопа были горожанами в первом поколении и бежали к близким в родные села и станицы. В силу географической и исторической специфики население Майкопа было практически не интегрировано в население автономии и сохраняло устойчивые связи со станицами бывшего Майкопского отдела, которые оставались на тот момент или остаются до сих пор в составе Краснодарского края. Как итог это усилило отток жителей в период оккупации из области.

После освобождения области её население стало постепенно восстанавливаться. Возвращение беженцев и эвакуа-

ция способствовали относительно быстрому восстановлению Адыгеи и улучшению социальной обстановки. Проявлением трудового героизма, патриотического подъёма и стабилизации социально-экономической обстановки стало то, что уже всего через несколько месяцев после своего освобождения Адыгея сама начала направлять помощь жителям Сталинграда.

Однако катастрофическое влияние войны на демографические структуры региона проявилось не только в период оккупации. Война унесла и продолжала уносить жизни военнослужащих Красной армии, уроженцев Адыгейской автономной области. Из призванных в армию погибли или пропали без вести 30 543 человек, имена которых восстановлены [13, с. 539]. Согласно совместному исследованию Е.М. Малышевой, Ю.А. Яхутля, В.В. Касьянова, А.И. Брантова, называется уточнённое число в 33 179 человек [18, с. 22]. До конца подвести итог этим страшным цифрам не удалось до сих пор. Многочисленные проблемы учёта, военная неразбериха, утеря части документов, а зачастую и просто небрежность работников военного учёта привели к тому, что определение потерь отдельных регионов

по военно-учётным документам на данный момент практически невозможно. Главным источником в данном вопросе служат региональные Книги памяти, по которым в 1995 г. и было подсчитано число жителей Адыгеи, не вернувшихся с войны. Несмотря на все известные недостатки Книг памяти, которые уже давно требуют корректировки, внесения дополнений и исправлений, а также исключения из их списков людей, учтённых сразу за несколькими регионами (чаще всего по месту призыва и по месту гибели / захоронения), эти поимённые списки остаются главным, ценнейшим и уникальным свидетельством региональной истории.

Потери Адыгейской автономной области в 1941–1945 гг. оказались очень тяжёлыми. В ярко выраженном аграрном регионе преобладало сельское население, в подавляющем большинстве не имевшее отсрочек и брони от мобилизации [16, с. 55]. С каждым годом до сих пор список не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны и погибших в оккупации жителей региона только пополняется. На сегодняшний день число погибших земляков оценивается в 35 620 человек на фронтах и более чем в 5 тыс. мирных жителей, включая 150 партизан¹.

Сильный удар по народонаселению ААО нанесли негативные социально-экономические последствия войны. Резко сократилась рождаемость и выросла смертность. В 1944 г. общий коэффициент рождаемости составлял всего 9,7 случаев на 1000 населения, а смертность – более 11,6 случаев на 1000 человек [22, л. 10]. Естественный прирост населения, таким образом, был отрицательным.

¹ Историческая справка об участии жителей Адыгеи в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (к 80-летию Великой Победы) // Государственный совет – Хасе Республики Адыгея: сайт. URL: <https://gshra.ru/socially/istoricheskaya-spravka-ob-uchastii-zhiteley-adygei-v-velikoy-otechestvennoy-voynе-1941--1945-godov-k-80-letiyu-velikoy-pobedy.html> (дата обращения: 10.06.2025).

Характеризуя демографические процессы периода Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что они во многом соответствовали общегосударственным тенденциям с учётом региональной специфики, которую создали меняющиеся обстоятельства положения региона по отношению к фронту. На демографических показателях Адыгейской автономной области априори негативно отразились издержки полугодовой оккупации, сложности восстановления разрушенного народного хозяйства, инфраструктуры и экономики после освобождения в условиях продолжавшейся войны. В этих условиях положительную роль сыграло только то, что регион всё же не был долгое время в прифронтовой зоне, что увеличило бы инфраструктурные и экономические потери. Поэтому Адыгея, опираясь на трудовой героизм её жителей, смогла продолжить работу на благо фронта и Победы, несмотря на пережитую катастрофу.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, как отмечает Е.М. Малышева, одной из особенностей развития социальных связей в обществе в военные годы была взаимопомощь трудящихся тыловых районов освобождённым от оккупации регионам. На помощь народам Северного Кавказа пришли трудящиеся Урала, Грузии, Дагестана, других республик и областей [10, с. 279].

Новый период в истории Адыгеи, как и всей страны, был связан с послевоенным восстановлением. Демографическое развитие региона в этот период впервые за два десятилетия в большей степени зависело от внутрирегиональных процессов, нежели от вовлечения Адыгеи в глобальные исторические события. На Адыгейскую автономную область, безусловно, продолжали оказывать влияние общие тенденции внутренней политики СССР, среди которых имели место некоторые негативные явления – голод 1946 г., репрессии, постепенное нарастание кризиса колхозной системы, которое к тому же ускоряло и без того быструю урбанизацию. Но в целом экономический

подъём и отсутствие глобальных потрясений позволило региону встать на путь стабильного развития, в том числе и в демографической сфере.

Демобилизация привела к реализации волны отложенных рождений, на протяжении первых послевоенных лет продолжался подъём рождаемости, который закрепился в итоге более чем на десятилетие в районе 22,1–22,8 случаев на 1000 человек [23, л. 1; 24, л. 85], что несколько превышало довоенные показатели. В сочетании с низкими показателями смертности – не более 8,7 случаев на 1000 населения [25, л. 12], это позволило ААО оставаться в зоне уверенного естественного прироста населения. Более того после 1953 г. наметился явный тренд на улучшение качества здравоохранения, что привело дополнительно к снижению смертности в среднем до 7,6 случаев на 1000 населения [24, л. 85].

В 1950-е гг. значительное влияние на развитие региона также начали оказывать миграционные процессы. В 1920–1930-е гг. они носили для Адыгеи в основном отрицательный характер. Сначала крестьяне старались выехать из полностью сельского региона в близлежащие города Краснодарского края, в первую очередь в сам Краснодар. Присоединённый к автономии Майкоп «оттянул» на себя урбанизационную миграцию, сделав

хотя бы отчасти её внутренней для ААО. Но к тому времени Адыгея уже находилась в центре раскулаченной и голодающей Кубани, что спровоцировало массовую миграцию жителей в более благополучные районы страны. Адыгея, как и весь Северный Кавказ, в предвоенные годы имела репутацию нестабильного региона с проблемами снабжения и высокой долей антисоветских настроений.

В 1940–1950-х гг. ситуация изменилась. Адыгея стала приобретать современную репутацию курортного предгорного региона с мягким климатом, подходящего для комфортной жизни. В течение 1950-х гг. ААО имела исключительно положительный миграционный обмен с другими регионами СССР, который с каждым годом постепенно увеличивался. Смягчение внутренней политики и реабилитация жертв политических репрессий привели к некоторой волне возвратной миграции.

Итоги в большей степени уже не войны, а послевоенного развития подвела перепись 1959 г., первая за двадцать лет. Как видно из приведённых в таблице 2 данных, несмотря на явно замедленное восстановление в первые восемь послевоенных лет, ААО к 1959 г. вышла на темпы уверенного прироста населения, решительно превзойдя результаты переписи 1939 г. при всей их спорности.

Таблица 2. Численность населения Адыгейской автономной области согласно всесоюзным переписям населения 1939 г. [27, с. 22] (официальные данные) и 1959 г., а также промежуточные показатели 1942 [21, л. 1] и 1952 гг. [25, л. 1]

Table 2. Population of the Adyghe Autonomous Region according to the all-Union population censuses of 1939 [27, p. 22] (official data) and 1959, as well as intermediate indicators of [21, l. 1] and 1952 [25, l. 1]

Район	1939	1942	1952	1959
Майкоп	55 871	61 917	60 686	82 135
Сельская местность	191 003	164 505	170 489	202 555
Всего ААО	246 874	226 422	231 175	284 690

*Рабочий посёлок Яблоновский отнесён автором к сельскому населению для большей репрезентативности результатов переписи в вопросе динамики численности населения.

Союзные власти в преддверии переписи активно раздавали статусы городов и посёлков городского типа, чтобы фор-

мально улучшить показатели урбанизации [26, с. 87]. В рамках этой политики 27 марта 1958 г. хутор Яблоновский был

объединён вместе с двумя соседними аулами и совхозом в рабочий посёлок Яблоновский. Отчасти проблема учёта населения Яблоновского стояла и раньше. Так, согласно переписи 1926 г., население посёлка учитывалось в население Краснодара, а не Адыгеи, которой он при этом подчинялся. В связи с этим в таблице 2 как сельское население в 1959 г. указано суммарное сельское население и население рабочего посёлка Яблоновского, что корректнее отражает тренд движения населения за 1939–1959 гг. По официальным же данным в 1959 г. городское население – 95 462 человека, сельское – 189 228 человек [27, с. 23].

Эту манипуляцию можно считать весьма своевременной, поскольку даже после неё показатели урбанизации в Адыгее оказались весьма скромными. За двадцать лет доля городского населения возросла всего на 5,1% до 33,5%, притом близких Адыгеи по исторической специфике Кабардино-Балкарии – на 15,3%, Карачаево-Черкессии – на 7,4% [13, с. 646]. Схожие результаты наблюдались по всем автономиям Северного Кавказа.

Адыгейская автономная область, как и весь Советский Союз, пережили социалистическую трансформацию экономики и Великую Отечественную войну, которые уже сами по себе оказали бы на любую демографическую систему катастрофическое влияние. Их же сочетание можно считать наихудшим развитием событий. В одной Адыгейской автономной области только война унесла более 40 тыс. жизней, численность людей, погибших в период раскулачивания, репрессий и голода в регионе, только предстоит установить учёным-историкам, но из описанных выше предпосылок можно говорить о том, что речь идёт не менее чем о 30 тыс. погибших.

Ещё более катастрофические последствия события 1930–1940-х гг. имели для демографических структур. Несмотря на получение автономной областью некоторой компенсации за счёт миграции из

других регионов в 1950-е гг., половозрастная структура общества была серьёзно деформирована, отражая резкий недостаток рождений в 1917–1921 гг., 1930–1933 гг. и в 1942–1945 гг.

Массовая гибель, в первую очередь мужского населения, привела к острой диспропорции полов. Согласно сведениям Е.Ф. Кринко, на 1945 г. в группе жителей 25–49 лет (1895–1919 гг. рождения) женщин было 77,2% и 75% среди людей 1920–1926 гг. рождения. В старших возрастных группах ситуация была немного лучше, но такой же критической: в группе 50–59 лет женщин – 64,4%, а в группе старше 60 лет – 61,4% [16, с. 57–58]. Эти катастрофические показатели в сочетании с демографическим переходом и непродуманностью государственной пронатальной политики привели в итоге к постепенному нарастанию демографического коллапса, который проявился в полной мере в период демографического кризиса в Российской Федерации.

Выводы

Приведённые данные, которые в целом обобщают существующие научные представления о демографическом развитии Адыгеи в 1930–1950-е гг., явно нельзя считать достаточными. Если даже поверхностно обратиться к понятию исторической демографии и аналогичным работам по другим регионам РСФСР, то становится ясно, что охваченный существующими исследованиями спектр демографических показателей является «типичным» при исследовании влияния условий глобальных потрясений на народонаселение отдельно взятого сообщества, но далеко не исчерпывает поставленной проблемы. Остаются практически не исследованными проблемы социальных изменений в структуре населения, развития здравоохранения, не существует завершённой научной парадигмы, охватывающей изменения в структуре населения. Не исследовано влияние на структуру населения мероприятий военного

времени, в первую очередь мобилизации экономики.

Не исследованными остаются специфические для региона проблемы. Период 1930–1940-х гг. – это период дальнейшей трансформации дореволюционной сословной системы, оказывавшей по-прежнему влияние на жизнь общества, особенно на юге страны, где была весома доля казачества, которое продолжало в исследуемый период играть важную роль в структуре населения, но при этом активно трансформировалось в новых реалиях. С другой стороны, на структуру населения продолжало оказывать влияние, несмотря на войну и оккупацию, национальное строительство и миграционное движение между местами традиционного проживания адыгской общности.

Менявшаяся ситуация и её влияние на потенциал воспроизводства населения и демографических потерь населения Адыгеи в исследуемый период требует дальнейшего научного анализа с привлечением различных по видовой принадлежности групп исторических источников и их сопоставления с другими краями, автономиями и республиками северокавказского региона. Особого внимания

требует также исследование сохранившихся архивных документов и проблема достоверности информации, отображённой в них, которая неминуемо возникает даже при их поверхностном анализе, вызывающем множество нестыковок, явных противоречий и «необъяснимого» поведения отражённых в них показателей.

Демографические процессы периода социалистической трансформации и Великой Отечественной войны приняли в Адыгее весьма сложный характер, вызванный переплетением довоенных тенденций и смены «ролей» и положения региона в ходе войны. Это вызывает исследовательский интерес к проблеме, по которой наличествующих наработок явно недостаточно. Проблема истории демографического развития региона в переломные для страны и мира годы носит более сложный и комплексный характер, нежели простой подсчёт численности населения и мобилизационных и миграционных движений населения. Адыгея обладает очень специфическим историческим опытом в исследуемой проблематике, который ещё только предстоит раскрыть в исследовательском поле.

Список литературы

1. Куваева А.А. Трансформация социальной структуры населения Адыгеи в 30-е гг. XX в.: историко-демографический аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 3. С. 57-62.
2. Ващенко И.И. Коллективизация и раскулачивание в Адыгее: общие тенденции и особенности реализации. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2021. 168 с.
3. Ракачев В.Н. Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. 2012. №7. С. 131-134.
4. НАРА (Национальный архив Республики Адыгея). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 90.
5. Административно-территориальное деление Союза ССР: Районы и города СССР на 1931. М.: Власть Советов, 1931. 311 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: сборник документов и материалов / сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
7. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 57.
8. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 237.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю. А. Поляков [и др.]. М.: Наука, 1992. 254 с.

10. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп: Адыгея, 2000. 432 с.
11. Леонтьева Е.А. Социальная защита населения в 50–60-е годы XX века (на материалах южного Урала) // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Ч. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 577-589.
12. Малышева Е.М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М.: Вече, 2011. 492 с.
13. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: Полит. энцикл., 2019. 767 с.
14. Яновская Л.А. Динамика рождаемости и смертности среди мирного населения Адыгеи в период Великой Отечественной войны // Патриотизм и интернационализм как источники победы советского народа в годы Великой Отечественной войны. Патриотизм народов Адыгеи в годы Великой Отечественной войны: опыт и уроки истории: Всероссийская научно-практическая конференция. СПб.; Майкоп: Качество, 2008. С. 329-339.
15. Куваева А.А. Демографическая ситуация в Адыгее накануне и в годы Великой Отечественной войны: сравнительный анализ (конец 30–50-е гг. XX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 27-32.
16. Кринко Е.Ф. Война и демография: население Адыгеи в 1941–1945 гг. // Историческая демография. 2009. № 2(4). С. 55-59.
17. Ракачёв В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко демографическое исследование. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. 350 с.
18. Адыгейская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: документы и материалы (к 80-летию освобождения от немецко-фашистской оккупации) / Е.М. Малышева, Ю.А. Яхутль, В.В. Касьянов, А.И. Брантов. Майкоп: ЭЛИТ, 2023. 378 с.
19. НАРА. Ф. П-17. Оп. 22. Д. 1423.
20. Кирин Д.А. Эвакуационные мероприятия в военный период (на примере Адыгейской автономной области) // Битва за Кавказ в исторических и культурных символах (ко Дню воинской славы России – годовщине завершения освобождения Кавказа 9 октября 1943 г.): сборник материалов Международного молодёжного научно-практического форума. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2024. С. 131-135.
21. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 7.
22. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2а. Д. 2.
23. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 314.
24. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 319.
25. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2а. Д. 20.
26. Ракачёв В.Н. Урбанизация и особенности расселения на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №2. С. 84-88.
27. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года СССР. М.: Госстатиздат, 1962. 284 с.

References

1. Kuvaeva A.A. Transformation of the social structure of the population of Adygea in the 1930s: historical and demographic aspect. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Maikop State Technological University*. 2010;(3):57-62. (In Russ.)

2. Vaschenko I.I. Collectivization and dispossession in Adygea: general trends and features of implementation. Maykop: Izd-vo Magarin O.G.; 2021. 168 p. (In Russ.)
3. Rakachev V.N. Famine and its demographic consequences as a result of the state policy of grain procurement in Kuban and Stavropol in the 1930s. *Vlast' = Power*. 2012;(7):131-134. (In Russ.)
4. NARA (National Archives of the Republic of Adygea). F. R-4. Op. 1. D. 90. (In Russ.)
5. Administrative-territorial division of the USSR: Districts and cities of the USSR in 1931. Moscow: Vlast' Sovetov; 1931. 311 p. (In Russ.)
6. Zhiromskaya V.B., Polyakov Y.A. All-Union Population Census of 1937: General results. Collection of documents and materials. Moscow: ROSSPEN; 2007. 320 p. (In Russ.)
7. NARA. F. R-4. Op. 2. D. 57. (In Russ.)
8. NARA. F. R-4. Op. 1. D. 237. (In Russ.)
9. Polyakov Y.A., et al. All-Union Population Census of 1939: Main results. Moscow: Nauka; 1992. 254 p. (In Russ.)
10. Malysheva E.M. The Ordeal. Society and power: the problems of their interrelation during the Great Patriotic War of 1941-1945. Maykop: Adygea; 2000. 432 p. (In Russ.)
11. Leontyeva E.A. Social protection of the population in the 50-60s of the 20th century (based on the materials of the southern Urals). In: *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine = Military history of Russia: problems, searches, solutions: proceedings of the International scientific conference dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*. Vol. 2. Volgograd: Izd-vo VolGU; 2015. P. 577-589. (In Russ.)
12. Malysheva E.M. For the sake of Motherland. Patriotism of the people in 1941-1945. Moscow: Veche; 2011. 492 p. (In Russ.)
13. Wars and the population of the South of Russia in the 18th - early 21st centuries: demographic processes and consequences. Moscow: Polit. encycl.; 2019. 767 p. (In Russ.)
14. Yanovskaya L.A. The dynamics of birth and death rates among the civilian population of Adygea during the Great Patriotic War. In: *Patriotizm i internatsionalizm kak istochniki pobedy sovetskogo naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Patriotizm narodov Adygei v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: opyt i uroki istorii: Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya = Patriotism and internationalism as sources of the victory of the Soviet people during the Great Patriotic War. Patriotism of the peoples of Adygea during the Great Patriotic War: experience and lessons of history. All-Russian scientific and practical conference*. St. Petersburg; Maykop: Quality; 2008. P. 329-339. (In Russ.)
15. Kuvaeva A.A. Demographic situation in Adygea on the eve and during the Great Patriotic War: a comparative analysis (late 1930s-1950s). *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Maikop State Technological University*. 2015;(3):27-32. (In Russ.)
16. Krinko E.F. War and demography: the population of Adygea in 1941-1945. *Istoricheskaya demografiya = Historical demography*. 2009;(2):55-59. (In Russ.)
17. Rakachev V.N. Population of Kuban and Stavropol in the 1930-1950s: historical and demographic study. Krasnodar: Kuban. gos. un-t; 2017. 350 p. (In Russ.)
18. Malysheva E.M., Yakhutl Y.A., Kasyanov V.V., Brantov A.I. Adyghe Autonomous Region during the Great Patriotic War. 1941-1945: documents and materials (for the 80th anniversary of liberation from Nazi occupation). Maykop: EIIT; 2023. 378 p. (In Russ.)
19. NARA. F. P-17. Op. 22. D. 1423. (In Russ.)
20. Kirin D.A. Evacuation measures during the war period (on the example of the Adyghe Autonomous Region). In: *Bitva za Kavkaz v istoricheskikh i kul'turnykh simvolakh (ko Dnyu voinskoi slavy Rossii – godovshchine zaversheniya osvobozhdeniya Kavkaza 9 oktyabrya*

1943 g.): *sbornik materialov Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno-prakticheskogo foruma* = *The Battle for the Caucasus in historical and cultural symbols (on the Day of Military Glory of Russia - the anniversary of the completion of the liberation of the Caucasus on October 9, 1943): collection of materials from the International Youth Scientific and Practical Forum*. Stavropol: Izd-vo SKFU; 2024. P. 131-135. (In Russ.)

21. NARA. F. R-4. Op. 2. D. 7. (In Russ.)

22. NARA. F. R-4. Op. 2a. D. 2. (In Russ.)

23. NARA. F. R-4. Op. 3. D. 314. (In Russ.)

24. NARA. F. R-4. Op. 3. D. 319. (In Russ.)

25. NARA. F. R-4. Op. 2a. D. 20. (In Russ.)

26. Rakachev V.N. Urbanization and settlement patterns in Kuban and Stavropol in the 1930s-1950s. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and socio-educational thought*. 2014;(2):84-88. (In Russ.)

27. Results of the 1959 All-Union Population Census of the USSR. Moscow: Gosstatizdat; 1962. 284 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Шконда Игорь Андреевич, аспирант кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: crpmriq@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-6607-7652

Igor A. Shkonda, Postgraduate Student of the Department of Russian History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maykop, Russian Federation,
e-mail: crpmriq@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-6607-7652